

УДК 821.161.1"18"
ББК 83.3(2=411.2)52-8,43

Г. Г. Ермилова

**ПРОВИНЦИЯ КАК ДУХОВНО-КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН:
ПО СТРАНИЦАМ «ДНЕВНИКА ПИСАТЕЛЯ»
Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО**

Статья посвящена исследованию важной для «Дневника писателя» Ф. М. Достоевского теме русской провинции, почти не затронутой в научной литературе. Установлена география провинции (Минск, Киев, Кишинев, Белград, Курск, Калуга, Москва, Санкт-Петербург, Казань, и рядом — деревня Малый Прикол Суджинского уезда Курской губернии, слобода Голодаевка близ Новочеркасска, село Кирсановка Самарской губернии, городок Крестун Новгородской губернии, городок Новохоперск), в рамках которой автор «Дневника писателя» совершает свои наблюдения и выводы. Определен социальный, интеллектуальный, территориальный круг корреспондентов Достоевского, с которыми он с разной степенью активности общался. Провинция для него — не просто и не только географическое образование, но духовный и культурный феномен, с которым он связывает важнейшие религиозно-философские воззрения. Отмечая в современной России тенденцию апокалиптической энтропии, грозящей стране необратимым провалом, он в то же время настойчиво, с неослабевающей надеждой ищет собирательные, центроостремительные силы в провинции, прежде всего. Одними столицами Россия не спасется — это его глубокое убеждение, нужно услышать глас всего народа.

Ключевые слова: Достоевский, «Дневник писателя», провинция, провинциализм, сепаратизм, обособление, восполнение.

G. G. Ermilova

**PROVINCE AS A SPIRITUAL AND CULTURAL PHENOMENON
ACCORDING TO THE PAGES OF THE “DIARY OF A WRITER”
BY F. M. DOSTOEVSKY**

The article is devoted to the study of the Russian province, which is important for the “Diary of a writer” by F. M. Dostoevsky, and almost untouched in the scholarly literature. Established is the geography of the province (Minsk, Kiev, Chisinau, Belgrade, Kursk, Kaluga, Moscow, Saint Petersburg, Kazan, and near the village of Maly Prikol Sudjinsk County Kursk province, Sloboda Golodaevka near Novocheerkassk, village Kirsanovka of the Samara province, the town of Creston the province of Novgorod, the town of Novokhopersk), in which the author of the “Diary of a writer” makes his observations and conclusions. The social, intellectual, and territorial circle of Dostoevsky’s correspondents, with whom he communicated with varying degrees of activity, is defined. For him, the province is not just a geographical formation, but a spiritual and cultural phenomenon, with which he connects the most important religious and philosophical views. Noting the trend of apocalyptic entropy in modern Russia, which threatens the country with irreversible catastrophe, he is at the same time persistently, with unflagging hope, looking for collective, centripetal forces in the province, first of all. Russia will not be saved

© Ермилова Г. Г., 2020

by capitals alone — this is his deep conviction, we need to hear the voice of all people.

Key words: Dostoevsky, the “Diary of a writer”, province, provincialism, separatism, segregation, replenishment.

«Дневник писателя» Ф. М. Достоевского в своем состоявшемся жанровом статусе моножурнала сложился в 1876—77 годах. Успех этого необычного, практически неслыханного в России издания превзошел все ожидания автора: по его свидетельству за два года издания «Дневника» им были получены сотни читательских писем. И. Л. Волгин, опубликовавший часть этих писем, насчитал их более двухсот, а тираж журнала превзошел шесть тысяч экземпляров [2, с. 173]. В объединенном майско-июньском номере «Дневника» за 1877 год его автор писал: «За всё время издания моего «Дневника» я получил и продолжаю получать много писем, подписанных и анонимных, столь для меня лестных и столь одобрявших и поддерживавших меня в труде моем, что, прямо скажу, я никогда не рассчитывал на такое всеобщее сочувствие и никогда не считал себя достойным того. Эти письма я сберегу как драгоценность» [1, т. 25, с. 126]. Завершая, как ему тогда представлялось, издание «Дневника» на время, подводя итог двухлетней непрерывной работы, он в одном из частных писем, обращаясь к своему адресату, с удовлетворением отметил: «Вы не поверите, до какой степени я пользовался сочувствием русских людей в эти два года издания. Письма одобрительные, и даже искренно выражавшие любовь, приходили ко мне сотнями. С октября, когда объявил о прекращении издания, они приходят ежедневно, со всей России, из всех (самых разнородных) классов общества, с сожалениями и просьбами не покидать дела. Только совестливость мешает мне высказать ту степень сочувствия, которую мне все выражают. И если б Вы знали, сколкому я сам научился в эти два года издания из этих сотен писем русских людей» [1, т. 29, кн. 11, с. 179].

В этом признании существенны два момента: во-первых, указание на сословно-классовую и географическую многосоставность полученных писем, во-вторых, на диалогический характер общения с читателями. Затеявая «Дневник писателя», Достоевский мечтал о всеобщем, а на его основе всеславянском и даже, когда «восполнятся» времена и сроки, всеевропейском братском единении людей. Понимая несбыточность мечты своей, и вместе с тем ее необходимость в деле духовного обновления русского человека и человечества, он в качестве одной из причин, препятствующих ее осуществлению, указывал на «наше» (имея в виду интеллигентов) незнание России, возникшее в результате двухсотлетней оторванности высших слоев общества от народа. Мысль эта: «Мы не знаем Россию», «Мы должны учиться России» — бесконечно варьируется на страницах «Дневника писателя». Понятна гордость его автора, преуспевшего в достижении своей цели: немая, бессловесная, как тогда казалась многим образованным людям, Россия вдруг заговорила, беспредельно географически расширив и духовно-культурно усложнив привычную картину мира. Тут нужно было одно из двух: или пренебречь этой многоголосой речью, признав ее провинциальной, незрелой, либо с ослабевающим вниманием вслушиваться в нее, рискуя при этом даже утратой дорогих верований.

Достоевский выбирает второе.

География этих откликов на «Дневник писателя» чрезвычайно разнообразна: здесь Минск, Киев, Кишинев, Белград, Курск, Калуга, Москва, Санкт-Петербург, Казань, и рядом — деревня Малый Прикол Суджинского уезда Курской губернии, слобода Голодаевка близ Новочеркасска, село Кирсановка Самарской губернии, городок Крестун Новгородской губернии, городок Новохоперск... Столь же исчерпывающе разнообразна и социальная характеристика авторов этих писем: здесь и вице-губернатор князь Н. Н. Голицын, и инспектор духовной Академии М. А. Юркевич, и педагог В. В. Михайлов, и провинциальный доктор В. В. Каверин, и студент А. А. Перфирьев, и дочь богатого купца А. Ф. Герасимова, и крестьянин Новгородской губернии (как он себя аттестует «смотритель топлива» на станции Динабург) В. Ф. Соловьев, и многочисленные рядовые русские интеллигенты.

Но этого мало. Достоевскому нужно было еще вслушаться в живую речь русского простонародья. По его признанию, летом 1877 года он изъездил по России «до четырех тысяч верст» [1, т. 25, с. 170], пытаясь уловить главенствующий тон народного чувства в отношении самого важного для него Восточного вопроса. Ссылок на «мнение народное», услышанное им из первых уст, в «Дневнике» множество.

Но и это еще не все. На страницах «Дневника» Достоевский впервые публично заговорил лично о себе, о своих детских и каторжных воспоминаниях; и все для того, чтобы сделать авторитетным свое право говорить об идеалах русского народа. Так, горячо полемизируя со всеми, кто считает русский народ находящимся на стадии растительного существования, не знающим и не понимающим учения Христа, Достоевский отвечает: «Этот “развратный” и темный народ наш любит, однако же, смиренного и юродивого: во всех преданиях и сказаниях своих он сохраняет веру, что слабый и приниженный, несправедливо и напрасно Христа ради терпящий, будет вознесен превыше знатных и сильных, когда раздастся суд и веление Божие. Народ наш любит тоже рассказывать и всеславное и великое житие своего великого, целомудренного и смиренного христианского богатыря Ильи Муромца, подвижника за правду, освободителя бедных и слабых, смиренного и непревозносящегося, верного и сердцем чистого. <...> Народ наш чтит память своих великих и смиренных отшельников и подвижников, любит рассказывать истории великих христианских мучеников своим детям. Эти истории он знает и заучил, и я сам их впервые от народа услышал, рассказанные с проникновением и благоговением и оставшиеся у меня на сердце» [1, т. 25, с. 69—70]. В другом месте, объединяя детские и каторжные впечатления, по поводу любимых народом и не знаемых интеллигентами Четьи-Миней он восклицает: «Есть чрезвычайно много рассказчиков и рассказниц о житиях святых. Рассказывают они из Четьи-Миней прекрасно, точно, не вставляя ни единого лишнего слова от себя, и их заслушиваются. Я сам в детстве слышал такие рассказы прежде еще, чем научился читать. Слышал я потом эти рассказы даже в острогах у разбойников, и разбойники слушали и вздыхали. Эти рассказы передаются не по книгам, а заучились изустно. В этих рассказах, и в рассказах про святые места, заключается для русского народа, так сказать, нечто покаянное и очистительное» [1, т. 25, с. 215].

Эта опора на разнообразнейшие письменные и устные источники и помогала Достоевскому осветить многообразные уголки русской (провинциальной в том числе) жизни, не затронутые ни печатью, ни литературой. Себя он называл писателем, «одержимым тоской по текущему», «летописцем»

становящейся, а не установившейся жизни, каким он считал Льва Толстого. Открывая январский выпуск «Дневник писателя» за 1877 год, он сделал программное заявление: «Огромная часть русского строя жизни осталась вовсе без наблюдения и без *историка*. По крайней мере, ясно, что жизнь средне-высшего нашего дворянского круга столь ярко описанная нашими беллетристами, есть уже слишком ничтожный и обособленный уголок русской жизни. Кто же будет *историком* остальных уголков, кажется, страшно многочисленных?» [1, т. 25, с. 35]¹.

М. Л. Семанова предположила, что в этих строках содержится предсказание о скором появлении в нашей литературе писателя чеховского типа [3, с. 45]. Если это справедливо, то автора «Дневника писателя» можно считать одним из тех, кто подготовил это появление, кто одним из первых в пореформенной литературе заговорил о провинции не как о досадном и досаждающем, в известной степени, экзотическом приложении к столичной жизни, а как о явлении, без которого не разрешимы исторические судьбы страны. Провинциальной теме Достоевский с самого начала придал общерусский масштаб, развернув на ее материале глобальные религиозно-философские, исторические проблемы.

Но в отличие от Чехова, он рисует провинциальную жизнь столь же интеллектуально напряженной, что и жизнь столичную. Он спорит с теми, кто винит провинцию в бездеятельности, пассивности, кто, как позднее Чехов, доминирующим настроением провинциальной жизни считает скуку. Напротив, отмечает автор «Дневника писателя», никогда ранее не замечалось такого беспокойства, такого желания немедленного разрешения общественных вопросов, как в новое время. Да и вообще в творчестве Достоевского, в «Дневнике» в том числе, нет скучающих героев, есть герои тоскующие. Тоска у Достоевского — есть томление отпавшей от целого части, и, следовательно, несет, пусть в «подкладке», устрояющее, гармонизирующее начало; ситуация универсальная в его художественном мире. Даже Ставрогин, из всех типологически близких ему героев, сделавший наиболее решительный шаг в сторону скуки, испытывает это высокое беспокойство (вспомним его сон о «золотом веке»).

Безусловно, жизнь провинции интересовала Достоевского задолго до начала издания им «Дневника», достаточно здесь напомнить о его сибирском жизненном опыте, отчасти запечатленном в «сибирских повестях» «Дядюшкин сон», «Село Степанчиково и его обитатели», «Записках из Мертвого дома». Но здесь эта тема присутствует в качестве сопутствующей, в «Дневнике писателя» ей придан несомненный автономный статус. Если в ранней послекаторжной прозе Достоевский лишь прикоснулся к ней, то теперь он стал ее «*историком*».

В январском выпуске «Дневника» за 1877 год, обращаясь к своим многочисленным корреспондентам и давая обещание ответить на некоторые заинтересовавшие его письма, он отметил тот интерес, который представляют эти письма не только для него лично, но и для понимания «нашего русского умственного теперешнего настроения». И заметил, что в этих письмах прослеживаются характерологические черты не только по возрастам, по полу, по сословиям, но «даже по местностям России» [1, т. 25, с. 89].

¹ Здесь и далее все выделения курсивом принадлежат автору, жирным шрифтом — мне. — Г. Е.

Устойчив и постоянен интерес автора «Дневника» к провинциальной печати. В записных тетрадах 1876 года находим отметку для себя, на память: «О местной печати. Пересмотреть газеты непременно» [1, т. 24, с. 130]. Особое внимание Достоевского привлек провинциальный альманах «Первый шаг», изданный в Казани в 1876 году, содержащий художественные произведения, этнографические и исторические очерки, литературно-критические статьи литераторов Поволжья. Книга эта получила неоднозначную оценку столичной печати: «Отдавая должное отдельным напечатанным <...> произведениям, рецензенты осуждали позицию обособления провинции и нападки на столичную печать» [1, т. 23, с. 357]. Ища поддержки у авторитетного для него автора «Дневника писателя», редактор «Казанских губернских ведомостей» Н. Ф. Юшков обратился к нему с письмом, в котором жаловался на трудности издания провинциальной печати, не встречающей поддержки в печати столичной, считающей ее ненужной и даже вредной. В ответном письме от 5 февраля 1876 года Достоевский заметил: «Милостивый государь. Я вполне сочувствую всему, что Вы написали о Вашей деятельности как редактора “Каз<анских> губерн<ских> ведомостей”, и всегда смотрел на развитие сил нашей окраинской прессы как на указатель общего развития сил нашей родины» [1, т. 29, кн. 11, с. 74—75].

В главе «Областное новое слово», включенной в майский выпуск «Дневника» за 1876 год, он продолжил заинтересовавший его разговор о провинции. Прежде всего он признал знаменательным и заслуживающим несомненного внимания факт активизации провинциальной жизни, ее желанная заявить о себе не только на своей территории, но и шире, на общерусском пространстве. Мысль о том, что Россия богатела «притоком новых сил из областей своих и окраин» [1, т. 23, с. 6], представляется ему очевидной. Из трех названных в «Дневнике писателя» беспспорных гениев русской литературы — Ломоносов, Пушкин, Гоголь — двое были выходцами из провинции.

Свое время Достоевский осмысливал как роковое, переходное, разрешающее судьбы России и всего человечества. Он не раз заявлял об окончании петербургского периода нашей истории, о наступлении чего-то невиданного и неслыханного, чреватого как возможностью апокалиптической катастрофы, так и возрождения. С неослабевающим вниманием он всматривался в быстро сменяющиеся факты действительной жизни, пытаясь угадать в них нечто пророческое. Он был убежден в том, что «семя» нашего будущего уже зреет в «почве». Каковы-то будут плоды?

Суть же проблемы заключалась в следующем. Какая из двух обозначившихся тенденций победит: начавшаяся энтропия, заявившая о себе грозными приметами разложения как семейного, так и государственного строя жизни, или робко пробивающиеся настроения благообразия, любовного братского единения. Две эти тенденции обозначены в «Дневнике» ключевыми словами-символами: «**обособление**» и «**восполнение**».

В свете этой всеобъединяющей многосторонний материал «Дневника писателя» тенденции тема провинции приобретает, с одной стороны, широкий, почти универсальный смысл, а с другой, драматическое звучание. Достоевского не могли не взволновать и не вызвать на размышление слова К. В. Лаврского из программной статьи «Литературное обозрение», помещенной в уже названном казанском сборнике «Первый шаг». Здесь автор писал: «Было время, когда живое слово разносилось из “сердца России” — из Москвы; но когда это слово обветшало, когда Белинский почувствовал в себе

призвание сказать другое “новое слово” — он переменял место своей деятельности, перенес ее в Петербург. В половине шестидесятых годов “новое слово” Петербурга в свою очередь обветшало, как все теперь видят, а московское и совсем сгнило, все чувствуют, что должна наступить новая перемена, и ждут опять какого-то “нового слова”, и ждут его из таинственных недр русской жизни. Но где же эти таинственные недра? Они в провинции...» [1, т. 23, с. 358]. Достоевский ставит вопрос: «Чего хотят провинции, обособиться ли в своем мнении каждый или “спеться в один общий стройный хор”»? [1, т. 23, с. 6]. В претензии провинции на «новое слово» он уловил как политические, так и духовно-культурные сепаратистские тенденции. Их-то он одобрил, конечно, не мог как в силу своих государственно-политических, так и (что еще важнее) религиозно-философских воззрений. Вспоминая историю допетровской и новой Руси, он не устает напоминать о великих событиях, свидетельствовавших о духовном единении русских людей разных сословий: «Душа была единая и не только в этих двух городах (имеется в виду Москва и Петербург. — Г. Е.), но в двух городах и во всей России вместе, так, что *везде по всей России в каждом месте была вся Россия*» [1, т. 23, с. 7].

Обособление — отпадение части от целого, чреватое как личным, так и национальным эгоизмом, страшно понижающим многосторонность жизни, мертвящим ее, убивающим ее роскошное цветение. Следствие «обособления» — иссякновение источников «живой жизни», приводящее к повсеместной аберрации нравственного чувства, вызывающего, в свою очередь, всеобщее непонимание друг друга. Исчезает великая идея бессмертия человеческой души, без которой невозможно братолюбивое устройство ни личной, ни национальной жизни. Достоевский много пишет об отсутствии в современном обществе «руководящих», «объединяющих» идей, об утрате в сознании образованного русского человека «нити поведения»: наблюдается тотальная децентрализация жизни, потеря нравственного центра, утрата общеобязательных представлений о добре и зле. Важнее проблем «что делать?» и «кто виноват?» он считает вопрос о том, «что считать хорошим, и что дурным?», как объединиться всем в их общепринятом понимании?

Символами русского общества становятся в «Дневнике писателя» два выходца из провинции — Фома Данилов, уроженец Самарской губернии, и Сергей Нечаев, уроженец Иваново-Вознесенска. Первого из них автор «Дневника писателя» называет эмблемой всей народной России, подлинным ее образом, за то, что правду Божию он возлюбил больше жизни, за то, что пострадал за Христа, за то, что подвигом своим объединил русских людей, укрепил их веру в святость православия. Второй — эмблема крайнего обособления, оторванности от народных корней, расторжения духовной, нравственной, культурной связи со своим народом.

Обособление, в представлении Достоевского, становится синонимичным понятию провинциальность, местечковость. И дело не в том, что он отнимает у провинций право развития их местных особенностей. Это право он признает за ними в полном объеме. Его смущают претензии сделать частные критерии общеобязательными, истинами, добытыми в узком углу русского мира, мерить весь этот мир. Вот эта претензия части встать на место целого и вызывает его несогласие, приводит к тому, что понятие «провинциальность» приобретает негативную коннотацию. Речь идет не о территориальной провинциальности, а духовно-культурной.

В 40-е годы XX века Томас Элиот написал замечательную статью «Что такое классик?», в которой он указал на начавшуюся в новом столетии болезнь тотальной провинциализации европейской жизни, утрату в новой средиземноморской культуре классической меры, чувства исторической преемственности, присутствие которых он обнаружил как в культуре античной у Вергилия, так и позднесредневековой у Данте. Т. Элиот писал: «XVIII век гнетет нас слишком ограниченным радиусом чувства, особенно религиозного. <...> И вот это ограничение самой области религиозного чувства порождает особого рода провинциализм — хотя, надо добавить, XIX век в этом смысле был еще провинциальнее — что свидетельствует о дезинтеграции христианства, упадке общей веры и культуры» [4, с. 190—191]. Еще большей провинциальностью, с его точки зрения, отмечено XX столетие.

И у Достоевского, и у Т. Элиота речь, в сущности, идет об одном и том же явлении. Только для англо-американского философа и поэта главенствующим оказывается культурологический критерий, а для русского — духовно-религиозный.

Список литературы

1. *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972—1990.
2. *Волгин И. Л.* Письма читателей Ф. М. Достоевскому // Вопросы литературы. 1971. № 9. С. 173—196.
3. *Семанова М. Л.* Чехов-художник. М.: Просвещение, 1976. 224 с.
4. *Элиот Т. С.* О классике: Из литературного наследия / вступ. ст. А. Зверева, публикация Н. Бушкановой // Вопросы литературы. 1988. № 8. С. 170—203.